

Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие

Semantic-derivational models of polysemous adjectives: metaphor, metonymy and their interaction

Рахилина Е. В. (rakhilina@gmail.com)

Институт русского языка РАН

Карпова О. С. (o_k_inbox.ru)

Российский государственный гуманитарный университет

Резникова Т. И. (tanja.reznikova@gmail.com)

ВИНИТИ РАН

В статье отражены результаты корпусного исследования семантических сдвигов русских качественных прилагательных в атрибутивных конструкциях. Обсуждаются регулярные модели метафорических и метонимических переносов и некоторые нестандартные случаи семантической деривации.

1. Многозначность прилагательных как прикладная задача и теоретическая проблема

Настоящая работа отражает результаты семантического исследования многозначных качественных прилагательных на материале Национального корпуса русского языка. В задачи анализа входит описание системы значений для каждой рассматриваемой лексемы, установление семантических отношений между отдельными значениями внутри лексемы, т. е. типов семантических сдвигов, и — на базе сопоставления полученных деривационных моделей для разных единиц — выявление регулярной многозначности и нестандартных семантических переходов в системе адъективной лексики.

Изучение моделей полисемии имеет богатые традиции в отечественной лингвистике, хотя прилагательные, в отличие, например, от глаголов, всегда оставались на периферии основных интересов исследователей. Среди работ, прослеживающих системную регулярность в многозначности прилагательных, отметим [Апресян 1974, Кустова 2004]. Особенность настоящего анализа заключается, однако, в том, что предметом рассмотрения для нас является вся частотная адъективная лексика со значением физических свойств и человеческих качеств,

тем самым осуществимой становится задача исчерпывающей инвентаризации моделей семантической деривации русских качественных прилагательных. Кроме того, как мы надеемся показать ниже, в ходе такого «сплошного» изучения материала вскрываются нестандартные, малоизученные в лингвистической теории механизмы семантических сдвигов, — их анализ мог бы существенно расширить имеющиеся в современной науке представления о деривационных процессах в области лексики.

Итак, объектом нашего исследования являются частотные многозначные прилагательные русского языка. К частотным мы относим единицы с встречаемостью выше 2000 раз в НКРЯ (т.е. в массиве текстов объемом 160 млн. словоупотреблений). В соответствии с этим критерием было отобрано 300 полисемичных прилагательных. Теоретическая задача описания моделей семантической деривации этих лексем стала естественным развитием задачи прикладной, освещавшейся в ряде докладов на конференции «Диалог» (см. [Рахилина и др. 2006, Шеманаева и др. 2007]), — снятия многозначности в текстах НКРЯ. Эта задача в Корпусе решается при помощи создания правил-фильтров. Действие таких правил основано на том, что в контексте слово имеет только одно значение. Соответственно, если для каждого из значений данного слова удастся задать

параметры контекста, в котором это значение реализуется, то эту информацию можно затем использовать для автоматического определения значения слова в тексте.

Теоретической базой для «правилowego» подхода к разрешению неоднозначности можно считать любую теорию, связывающую семантику лексемы с ее поверхностной сочетаемостью — например, исследования представителей Московской семантической школы или теорию Construction Grammar (см. [Fillmore et al. 1988, Goldberg 2005] и др.), ср. также термин *coercion* — «вынуждение» к сдвигу значения лексемы в составе комплексного выражения [Pustejovsky 1991] или когнитивный принцип единства концептуального домена (*domain unity*, см. [Croft 1993]).

Для прилагательных в атрибутивных конструкциях (*Adj + N*) контекст задается семантикой определяемого существительного (*N*). Тем самым прикладная задача разрешения многозначности в сфере адъективной лексики подразумевает, во-первых, установление набора значений каждого прилагательного и, во-вторых, определение для каждого значения допустимых при нем семантических классов существительных.

Однако с теоретической точки зрения интерес представляет не только перечисление всех засвидетельствованных в Корпусе значений лексемы, но и описание семантических отношений между этими значениями, или — иначе — типов семантических сдвигов, приводящих к появлению производных значений. Именно обсуждению этих переходов и будет посвящена основная часть данной статьи.

Согласно общепринятой теории, канонических, «законных» механизмов сдвига значения всего два — метафора и метонимия. Ниже на материале качественных прилагательных мы рассмотрим некоторые метафорические и метонимические модели семантической деривации, проследим основные закономерности развития значений в этой зоне, а также обсудим случаи, не укладывающиеся в традиционные представления о метафоре и метонимии.

2. Метафорические сдвиги в сфере качественных прилагательных

Как хорошо известно из теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980], метафора основана на взаимодействии двух концептуальных зон — области-источника и области-цели и заключается в проекции (*mapping*) элементов структуры одной области на структуру другой (ср. традиционное определение метафоры как переноса «по сходству»). В применении к прилагательным метафорический перенос, как правило, означает, что аналогия проводится между признаками объектов двух разных

таксономических классов (ср. трактовку метафоры в глаголе как мену таксономического класса его актантов в [Падучева 2004, Кустова 2004]). Классы объектов, признаки которых могут сопоставляться в нашем материале, согласуются с известными и, по-видимому, типологически широко представленными моделями метафорических переходов, ср.:

- ‘человек’ — ‘механизм/инструмент’ (ср. *надежный: друг|велосипед*, *чувствительный: юноша|прибор*)
- ‘пространство’ — ‘время’ (ср. *длинный: коридор|день*, *далекий: станция|юность*)
- ‘жидкость’ — ‘множество’ (ср. *жидкий: каша|толпа*)
- ‘жидкость’ — ‘эмоциональное/ментальное состояние’ (ср. *глубокий: река|депрессия*)
- ‘конкретный предмет’ — ‘событие’ (ср. *крупный: кусок|успех*)

К частотным сдвигам относится метафорический перенос различных физических свойств неодушевленных объектов на нефизические свойства человека или его проявлений:

- *холодный (ветер|сердце)*
- *мягкий (диван|характер)*
- *яркий (свет|талант)*

В целом метафорические переходы, наблюдаемые в адъективной зоне, в значительной степени предсказуемы. Действительно, один и тот же признак не может применяться к сущностям разной природы, он должен «подстроиться» под семантику новой концептуальной зоны. Но сама возможность этой «подстройки» свидетельствует о «когнитивной проницаемости» границ между взаимодействующими при метафоризации концептуальными областями.

3. Метонимические сдвиги в сфере качественных прилагательных и транскатегориальная метонимия

Как в классических исследованиях [Ullman 1967], так и в работах самого последнего времени [Feyaerts 1999, Dirven 2002, Peirsman, Geeraerts 2006] метонимия описывается как семантический переход, возникающий на базе «смежности» двух ситуаций. При метонимическом сдвиге семантическое отношение между двумя значениями возникает в границах общей для них концептуальной области, и назначение механизма метонимии — в выделении, акцентировании некоторого фрагмента этой области (ср. в терминологии У. Крофта *domain highlighting* [Croft 1993], ср. также синтактико-семантическую трактовку метонимии применительно к глагольной лексике в работах Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой как помещение в фокус, «продви-

жение» разных участников одной и той же ситуации [Падучева 2004; Кустова 2004, 2005]).

Поскольку традиционное понятие «смежности» носит довольно размытый характер, во многих работах, посвященных метонимии, предпринимаются попытки исчислить засвидетельствованные в языке модели метонимических сдвигов (из исследований последних лет наиболее полный список представлен в [Peirsmann, Geeraerts 2006]). В адъективной лексике обнаруживаются реализации всех тех основных схем, которые известны по другим лексикограмматическим классам слов, приведем примеры некоторых из них:

- признаки 'части' — 'целого', в т. ч.
 - 'человека' — 'части тела' (*сильный: человек | руки, добрый: человек | сердце*)
 - 'элемента' — 'множества' (*толковый: начальник | начальство*)
 - 'материала' — 'изделия из этого материала' (*ржавый: железо | гвоздь*)
- признак (какой-л. сущности) — время, когда реализуется этот признак (*голодный: человек | годы, теплый: погода | день*)
- признак (какой-л. сущности) — место, где реализуется этот признак (*голодный: человек | край, жаркий климат | страны*)
- причинно-следственные отношения
 - состояние — каузатор состояния (*радостный: человек | событие*) (ср. [Апресян 1974, Кустова 1998])
 - состояние — результат состояния (*голодный: человек | обморок*) (ср. в когнитивной традиции эффект Goal-bias, который обычно связывается с глаголами движения и предпочтением в них конечной точки перед исходной, см. [Stefanowitsch, Rohde 2004])

крепкий орех → [ТСmeton] *крепко* [+ V 'физ. контакт'] *сжал(ся), держал...*

[ТСmeton] *крепкий узел, поцелуй*

[metaph] *крепко* [+ V 'социальн. контакт'] *дружить, любить*

[ТСmeton] *крепкая дружба*

Кроме подобных стандартных типов метонимических переходов в нашем материале мы отмечаем более сложный вид метонимии, почти не привлекавший до сих пор внимание исследователей. Речь идет о межчастеречных, или **транскатегориальных**, метонимических сдвигах (ср. [Кустова 2004: 312 и далее; Radden, Kövecses 1999]). В случае при-

лагательных наиболее очевидными оказываются деривационные отношения с наречиями. Действительно, во многих случаях мотивированность деривационных моделей обнаруживается только тогда, когда значения прилагательного и наречия рассматриваются в совокупности¹. Так, *мягкий упрек* естественно связывать не с *мягкая подушка* или *мягкий характер*, а с *мягко упрекнул*. Аналогичным образом *тугая клавиша* наиболее тесно соотносится с *туго нажиматься*. В свою очередь, и для адвербиальных употреблений необходимо установить источник деривации. Например, если сочетание наречия с глаголом обозначает проявление свойства человека (ср. *строго сказать, щедро одарить*), то такие употребления логично считать производными от соответствующих атрибутивных конструкций, в которых реализуется значение 'свойство человека' (ср. *строгий начальник, щедрый меценат*).

Таким образом, последовательно восстанавливая отношения семантической деривации между отдельными значениями прилагательного и наречия, мы строим цепочки переходов, которые позволяют проводить обобщения относительно регулярных моделей многозначности в рассматриваемом фрагменте лексической системы. Примеры закономерностей такого рода мы рассмотрим в следующем разделе.

4. Цепочки семантических переходов и закономерности деривационных процессов

Приведем в качестве примера фрагмент цепочки семантической деривации для прилагательного *крепкий*:

В сочетании с конкретными объектами *крепкий* подразумевает свойство объекта, проявляющееся при внешнем воздействии, т. е. при физическом контакте

¹ Ср. в этой связи практику традиционных словарей, объединяющих прилагательные и наречия в одной словарной статье.

с воздействующим на него субъектом. Закономерно поэтому, что для наречия *крепко*, которое образуется посредством транскатегориальной метонимии, сочетаемость ограничена глаголами со значением физического контакта. Результат такого действия может описываться атрибутивной конструкцией (опять же посредством транскатегориальной метонимии), ср. *крепкий узел* — узел, который *крепко* завязали. Кроме того, физический контакт может метафорически переноситься в социальную сферу, тем самым порождается метафорическое значение наречия *крепко* в конструкции с глаголами социального контакта (*крепко дружить, любить*). Далее, социальный контакт может опять же описываться атрибутивно, порождая еще одну транскатегориальную метонимию — на сей раз от метафорического значения наречия.

Мы привели фрагмент схемы семантической многозначности для прилагательного *крепкий* в качестве иллюстрации того, как для каждого прилагательного в нашем материале восстанавливается последовательность семантических переходов. Анализ этих цепочек позволяет выявлять различные закономерности в устройстве деривационных моделей адъективной лексики. Обсудим некоторые правила такого рода.

- Если прилагательное в атрибутивной конструкции может выступать и в сочетании с наименованием неодушевленного конкретного объекта, и в сочетании с наименованием человека, то данные конструкции представляют разные значения прилагательного, причем эти значения связаны между собой метафорическим отношением (напрямую или через цепочку семантических переходов, включающих метафорический), ср. *вялый*: *цветок* | *мальчик*, *грязный двор* | *личность*, *широкий*: *улица* | *натюра*, *слабый*: *человек* | *мотор*.

Исключение составляют конкретные неодушевленные существительные со значением частей тела (т. е. существительные класса неотторжимой принадлежности), которые обычно образуют метонимический сдвиг, ср. *добрый*: *человек* | *сердце*.

- Если исходным для деривационной цепочки является прилагательное со значением человеческого состояния или качества, то сочетаемость с абстрактным именем возникает посредством или метафоры (ср. *больной*: *мальчик* | *самолюбие*), или цепочки транскатегориальных метонимий (*строгий начальник* — *строго приказать* — *строгий приказ*).

Исключение составляет особый подкласс абстрактных существительных, ср. *голос*, *взгляд*, *походка* и под.: в конструкции с этими именами наблюдается простой метонимический сдвиг прилагательного (не через посредство наречия), ср. *больной голос*, *взгляд* ('свойственный больному'). Примечательно, что эту группу можно считать аналогом класса неотторжимой принадлежности в зоне абстрактной лексики.

- Все русские многозначные прилагательные с исходным значением звука соотносятся с характеристикой человеческого голоса или с поведением массы людей, поэтому если исходным для деривационной цепочки является значение звука и при этом прилагательное допускает сочетаемость с наименованием человека, то два значения связаны метонимическим (не метафорическим!) преобразованием, ср. *громкий*: *голос* | *посетитель*, *хриплый*: *голос* | *мужик*, *шумный*: *компания* | *больельщик*.

Итак, зная исходное значение деривационной цепочки, во многих случаях можно строить довольно надежные гипотезы об устройстве модели многозначности данного слова. В этом месте, однако, естественно задаться вопросом, бывают ли такие переходы, которые невозможно предсказать, то есть сдвиги, отклоняющиеся от стандартных моделей семантических преобразований. Ответ на этот вопрос, безусловно, положительный. И здесь важно различать несколько типов таких отклонений.

Первый класс случаев представляют переходы, обусловленные внешними по отношению к современной лексической системе факторами. Это могут быть кальки или устаревшие употребления (в т. ч. фразеологизованные конструкции). Например, если в некоторой цепочке семантических переходов выпадает одно или несколько звеньев (т. е. если соответствующие сочетания выходят из употребления), то на месте возникающей лакуны образуется нестандартная для системы модель сдвига. Все эти переходы, соответственно, носят одиночный и несистемный характер (хотя каждый из них семантически мотивирован, ср. в этой связи [Dobrovolskij, Piirainen 2005]), тем самым они в меньшей степени интересны для нашего исследования.

Гораздо больший интерес для нас представляет второй класс случаев. Эти сдвиги обусловлены действием внутрисистемных механизмов, однако модели таких переходов не укладываются в вышеописанные стандартные схемы метафорических и метонимических переносов. К рассмотрению случаев такого рода мы переходим.

5. Особый тип семантических сдвигов: *ребрендинг*

Для начала рассмотрим несколько примеров.

Прилагательное *грубый* выражает свойство человека. Метонимически это значение может переноситься на характеристику его действий, ср. *грубо разговаривать*, *вести себя*, *оскорблять*. Вполне предсказуемо в этой конструкции выступают глаголы, относящиеся к классу агентивных процессов. Напротив, сочетаемость с глаголами неконтролируемых ситуаций для *грубо* в основном невозможна,

ср. *грубо *чихает / *падает / *умирает*. Но в отдельном случае это ограничение неожиданно нарушается, ср. *грубо ошибся*. Нарушение контекстных ограничений естественным образом сопровождается резкой сменой семантики: в сочетании *грубо ошибся*, с одной стороны, пропадает идея грубости поведения, с другой — появляется значение большой степени.

Следующий пример — прилагательное *кривой*. В исходном значении оно обозначает форму объекта, отклоняющуюся от прямой линии (*сабля, улица*). При транскатегориальном метонимическом переносе наречие характеризует такое действие, при котором (или в результате которого) положение субъекта/объекта или его форма отклоняется от ожидаемой в этой ситуации прямой линии (*криво сидеть, положить, повесить, пришить, отрезать*). Тем самым при данном наречии ожидаются глаголы местоположения, помещения объекта или физического воздействия — так или иначе, результат этого действия имеет зрительный эффект, что предписывает исходная семантика прилагательного. Однако *криво* может выступать и при глаголе ментального воздействия, ср. *криво объяснять*. В принципе сам перенос из физической сферы в ментальную довольно частотен для метафорических сдвигов, однако конкретная визуальная идея, присутствующая в исходном значении прилагательного, в данном случае затрудняет стандартную метафорическую интерпретацию, требуя дополнительных когнитивных усилий. Их результатом становится исчезновение семантического компонента формы и развитие значения отрицательной оценки.

Наконец, последний пример — прилагательное *дружный*. Исходно оно характеризует множество людей, связанных определенными социальными отношениями (*дружный коллектив, семья*). Соответственно, транскатегориальный метонимический перенос дает сочетаемость с глаголами контролируемых социальных действий (*дружно играть, жить*). Но *дружно* обнаруживается и в конструкциях с глаголами неконтролируемых эмоциональных состояний и других индивидуальных ситуаций, ср.

дружно ненавидеть, врать, аплодировать. И здесь опять же пропадает компонент исходного значения (идея дружеских отношений) и появляется новая идея одновременности действия.

Итак, во всех трех примерах мы наблюдали сходные явления: происходит нарушение ожидаемых сочетаемостных ограничений, утрачивается часть исходной семантики, возникает новое значение. Чем же мотивируется появление новой семантики? В каждом из примеров возникающее значение является выводом, или **импликатурой**, исходного значения. Так, *грубо разговаривать* предполагает идею громкости, агрессивности, из чего рождается представление об интенсивности действия и, соответственно, большой степени. *Криво пришить* означает неровность результата, из чего следует отрицательная оценка результата, и этот вывод и переносится в ментальную сферу. *Дружно играть* подразумевает успешную кооперацию в некоторой области социальной деятельности, что предполагает, что каждый из участников совершает сходные действия, откуда и рождается идея одновременного выполнения действий. Таким образом, в этих примерах перенос из одной концептуальной области в другую происходит не просто на основе сравнения, как при метафоре, это сравнение здесь осложняется действием механизма импликатуры. Такие переходы комплексной природы мы называем **ребрендингом** («*re-branding*», ср. [Резникова и др. 2008]).

Примечательно, что все отмеченные в наших примерах явления (нарушение сочетаемостных ограничений, стирание исходного значения, возникновение нового на базе конвенциализованной импликатуры) являются конституирующими для процесса грамматикализации (ср. Norreg&Traugot 1993, Bybee et al. 1994 и др.). Более того, получающаяся при таких переходах семантика ('интенсивность', 'одновременность', 'оценка') представляет значения из Универсального грамматического набора. Вместе с тем наш материал показывает, что грамматикализация является лишь частным случаем значительно более общих процессов, имеющих место внутри лексической системы.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
2. Кустова Г. И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. М., 1998, N 36.
3. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания, 2005, № 3.
5. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Рахилина Е. В., Кобрицов Б. П., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Шеманаева О. Ю. Многозначность как прикладная проблема: Лексико-семантическая разметка в Национальном корпусе русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006.
7. Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В. Глаголы боли в свете Грамматики конструкций // НТИ, сер. 2, 2008, № 4. С. 7–15.
8. Шеманаева О. Ю., Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Рахилина Е. В. Семантические фильтры для разрешения многозначности в Национальном корпусе русского языка: прилагательные // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. — М.: Изд-во РГГУ, 2007.
9. Vybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
10. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // Cognitive Linguistics 2003, No. 4. Pp. 335–70.
11. Dirven R. Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation // R. Dirven and R. Pörings (eds.) Metaphor and Metonymy in comparison and contrast. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 75–111.
12. Dobrovolskij D., Piirainen E. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Amsterdam; Heidelberg: Elsevier, 2005.
13. Feyaerts K. Metonymic Hierarchies: The Conceptualization of Stupidity in German Idiomatic Expressions // K.-U. Panther and G. Radden (eds). Metonymy in Language and Thought. Amsterdam & Philadelphia: John. Benjamins, 1999.
14. Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor K. T. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: the Case of LET ALONE // Language, 1988, No. 64. Pp. 501–538.
15. Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: Chicago University Press, 1995.
16. Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
18. Peirsman Y., Geeraerts D. Metonymy as a Prototypical category // Cognitive Linguistics 2006, 17(3). Pp. 269–316.
19. Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics, 2001, No. 17.4.
20. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // K.-U. Panther and G. Radden (eds). Metonymy in Language and Thought. Amsterdam & Philadelphia: John. Benjamins, 1999. Pp. 17–59.
21. Stefanowitsch A., Rohde A. The goal bias in the encoding of motion events // K.-U. Panther and G. Radden (eds). Motivation in Grammar. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 249–268.
22. Ullman S. Semantics: an introduction to the science of meaning. Oxford: Blackwell, 1967.